

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-142-146

**КОНЦЕПТ «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
И СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Скляр Олег Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б, osklyarov@mail.ru

Молдавская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б, olmold1@gmail.com

Данная статья изучает историю трансформации термина «традиционализм» в литературоведении. Цель – осмыслить и теоретически обосновать концепт «традиционализм» в свете общих вопросов философии и аксиологии творчества; в частности исследовать инвариантное содержание традиционного творческого сознания (во взаимосвязи его онтологических и поэтологических аспектов) и предпосылки его исторической вариативности.

Ключевые слова: историческая поэтика, традиционализм, концепт, аксиология творчества, теория литературы

**THE CONCEPT OF TRADITIONALISM IN THE CONTEXT OF HISTORICAL POETICS
AND MODERN THEORY OF LITERATURE**

Sklyarov Oleg N., Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Slavic Philology, Orthodox St. Tikhon State University, 115184, Russia, Moscow, 23B Novokuznetskaya st., osklyarov@mail.ru

Moldavskaya Olga E., Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Slavic Philology, Orthodox St. Tikhon State University, 115184, Russia, Moscow, 23B Novokuznetskaya st., olmold1@gmail.com

This article examines the history of the transformation of the term "traditionalism" in literary criticism. The goal is to comprehend and theoretically substantiate the concept of "traditionalism" in the light of general questions of philosophy and the axiology of creativity; in particular, to investigate the invariant content of traditional creative consciousness (in the interconnection of its ontological and poetological aspects) and the prerequisites for its historical variability.

Keywords: historical poetics, traditionalism, concept, axiology of creativity, theory of literature

В литературоведении XX века понятие «традиция», как и в целом аксиоматика преемственности, подверглось ощутимой дискредитации. И даже там, где идея культурного наследования избежала прямого поругания, концепт традиции оказался существенно потеснен такими терминами поэтики, как «цитата», «реминисценция» и «подтекст», а позднее – всеобъемлющим понятием «интертекстуальность». В культурологии 80-х годов проблематика традиции была отчасти реабилитирована, однако ценою определенного выхолащивания самого концепта.

На протяжении ряда десятилетий понятие «традиция» преимущественно использовалось либо в качестве обозначения дифференцированных и частных аспектов соприкосновения с опытом прошлого, либо, в консервативном изводе традициологии, – в некоем не до конца отрефлексированном и по умолчанию комплиментарном значении, подразумевающем надежный иммунитет к культурному беспамятству и нигилизму. Во втором случае нередко с упорством отстаивалось пассивно-охранительное и в сущности контрпродуктивное понимание традиции как альтернативы любому инновационному движению. В постмодернистском литературоведении, при всём его внимании к подробностям и оттенкам интертекстуальных связей, концепт традиционности претерпел существенную смысловую редукцию. Низведённый до обозначения локальных (бессознательно-случайных либо намеренно-игровых) переключек с предшественниками, он был не только фактически отождествлен с феноменом интертекстуальности, но и оказался по существу изъят из концептуальной сопряженности с понятиями «преемственность», «наследование» и «предание», полагающими

основной акцент на сознательно-ответственном участии творца в духовной «эстафете» поколений, в соборно мыслимом «общем деле» культурного созидания.

Таким образом, привычная оппозиция традиционности и контр- традиционности, устаревшая и потерявшая актуальность в одном своем аспекте (ввиду осознания неминуемой зависимости творца от достигнутого ранее), ничуть не устарела и не утратила насущной значимости в другом измерении, а именно – в плане принципиального самоопределения субъекта творчества по отношению к культурному наследию как целому, к ее базовым основам и к ее аксиологическому статусу.

В современном литературно-критическом и литературоведческом обиходе понятия «традиция», «традиционность», «традиционализм» зачастую употребляются нестрого и в силу этого приобретают самые разные, подчас противоположные коннотации. В одних случаях они могут подразумевать соответствие поэтики канонам классического (а чаще – попросту усредненного) реализма и невосприимчивость писателя к тому расширению стилового диапазона искусства, которое принес с собою XX век. В других случаях могут означать верность автора традиционным духовно-религиозным ценностям и привычным, общепринятым формам их литературной манифестации. Иногда имеется в виду приверженность национально-культурной архике, фольклорно-мифологическим истокам народного сознания и т. п. Если добавить к этому широко распространённую в науке и журналистике практику отождествления традиционализма с фундаментализмом и радикальным антиисторизмом, то проблема теоретического прояснения и уточнения круга понятий, связанных с концептом традиции, предстает особенно актуальной. В ещё большей мере это относится к неклассическим формам бытия традиции и к новым формам творческого традиционализма, складывающимся в искусстве XX столетия.

В ряду многочисленных применений термина «традиционализм» особое место занимает литературоведческая концепция, введённая в научный обиход С. Аверинцевым и подхваченная рядом других авторитетных ученых (А.В. Михайловым, М. Гаспаровым, С. Бройтманом и др.). Речь идёт о стадийной типологии мирового литературного процесса, основы которой были заложены ещё Э.Р. Курциусом в фундаментальном труде «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948). В рамках этой концепции понятие «традиционализм» соответствует двум большим стадиям в развитии мировой, или как минимум европейской, словесности: 1) долитературной (синкретической, фольклорно-мифологической и т.д.), получившей название эпохи дорефлективного традиционализма, и 2) эпохи рефлективного традиционализма, начинающейся с момента зарождения авторской литературы и продолжавшейся примерно до последней трети XVIII века.

Этими терминами обозначают не только названные исторические периоды, но и соответствующий им тип художественного сознания, а также тип поэтики [1, с. 3–15]. Далее мы будем опираться преимущественно на эти значения, в особенности – на рефлективное понимание традиционализма, а потому полагаем необходимым отграничить избранный нами подход от тех теорий, в которых традиция (традиционность, традиционализм) увязывается с идеей радикального «ухода из истории» и с абсолютизацией «исконных» (подчас – докультурных и внекультурных) форм сознания, противопоставляющих себя всякому историзму, свободному творчеству и рациональному («логосному») мышлению.

Многовековая эпоха литературно-художественного развития, пришедшая на смену архаическому «синкретизму» (термин А. Веселовского) и завершившаяся в предромантический период, породила тип мышления и тип поэтики, по отношению к которым учёные применяют разные обозначения: «рефлективный традиционализм» (С. Аверинцев), «морально-риторическая система» (А.В. Михайлов), «эйдетическая поэтика» (С. Бройтман), «поэтика тождества» (Ю. Лотман) [7, с. 36].

Кроме того, поэтику этой поры зачастую называют «нормативной» (В. Тюпа) и «риторической» (Э.Р. Курциус). Проследивая весь путь эволюции данного типа сознания, А.В. Михайлов так формулирует задачу: «...первейшей необходимостью было бы связать общую сторону морально-риторической системы... в целом с показом её литературы как особой формы идеологии и культуры» [9, с. 48].

Многие учёные обращают внимание на то, что именно в это время появляются первые «поэтики» и «риторики», в которых литература впервые становится предметом рефлексии. На дорефлективной стадии традиционализма в той же мере культивировалось такое построение высказывания, при котором оно соответствует ожиданиям, а не нарушает их.

Однако в синкретической культуре канон действовал стихийно, теперь же ориентация на образец становится сознательной. Системообразующими для словесности и литературной теории становятся понятия традиции, образца, нормы; тем самым искусство слова развивается по преимуществу «под знаком риторики, положения которой отвечали универсалистским, дедуктивным принципам современного ей мировосприятия. С. Бройтман также считает чрезвычайно важными для уяснения ментального «ядра» традиционализма интенции риторичности исторически разворачивающихся воплощений, обликов» [4, с. 13].

Характернейшим признаком начала этого периода авторы коллективного исследования «Категории поэтики в смене литературных эпох» считают «выделение литературы как особой формы идеологии и культуры» [2, с. 10].

Многие ученые обращают внимание на то, что именно в это время появляются первые «поэтики» и «риторики», в которых литература впервые становится предметом рефлексии. На дорефлективной стадии традиционализма в той же мере культивировалось такое построение высказывания, при котором оно соответствует ожиданиям, а не нарушает их (наблюдение Ю. Лотмана) [8, с. 350–359].

Однако в синкретической культуре канон действовал стихийно, теперь же ориентация на образец становится сознательной. Системообразующими для словесности и литературной теории становятся понятия традиции, образца, нормы; тем самым искусство слова развивается по преимуществу «под знаком риторики, положения которой отвечали универсалистским, дедуктивным принципам современного ей мировосприятия» [5, с. 11]. С. Бройтман также считает чрезвычайно важными для уяснения ментального «ядра» традиционализма интенции риторичности и рефлексивности, «логицизм... универсалистско-дедуктивные тенденции, преобладание общего над частным...» и т.д. [4, с. 119], однако подчёркивает, что «выделенные признаки – лишь одна из тенденций...» [4, с. 120], тогда как наиболее существенной для понимания сути рефлексивного традиционализма следует признать «эйдетичность» мышления, склонность к слитному, сращенному восприятию понятия и образа [2, с. 10].

С. Аверинцев в свою очередь характеризует традиционалистскую поэтику как отражение «мышления преимущественно дедуктивного» [2, с. 10]. В основе данного типа сознания, указывает ученый, лежит «гносеология, принципиально и последовательно полагающая познаваемым не частное, но общее...» [2, с. 11].

Авторство на этом этапе выступает «лишь как частный случай, как разновидность канона» [6, с. 12]. Таким образом, категория авторства, уже отделившаяся от категории авторитета, еще не приобрела того персоналистического значения, которое возобладает в европейском искусстве с конца XVIII столетия. В рефлексивном традиционализме господствует убеждение, что «автору для того и дана его индивидуальность, чтобы вечно участвовать в “состязании” со своими предшественниками в рамках жанрового канона» [9, с. 135].

Традиционалистскому миропониманию присуща особая концепция человека. Признавая, что образ человека в культуре не раз менялся от античности до классицизма, А.В. Михайлов подчёркивает, что во всех этих модификациях всё же «общее есть»: человек в морально-риторической системе – это «всечеловек» [9, с. 38]. В связи с этим исследователь обращает внимание на два момента:

1) человек в традиционалистской системе ценностей (не конкретный индивид, не «персона», а человек вообще) – предмет непрерывного внимания и заботы (признаваемая всеми «не-антропоцентричность» довозрожденческой культуры касается лишь категории индивидуальности);

2) человек в риторическом слове впервые «собирает» себя в некое (пока еще не персональное) единство, «приходит к себе», именно в слове впервые постигает себя [9, с. 38].

Важно отдавать себе отчет в том, что такой человек «не психологичен». Строго говоря, он – не «субъект» и не «индивид» [9, с.39]. У него ещё нет ничего «своего», «частного». Чувства, страсти, идеи овладевают им как внешние силы. Даже «душа» может осознаваться как «другое мне», как не «я», а данное мне [9, с. 40].

В то же время, вопреки стереотипному мнению, авторское «Я» в традиционализме отнюдь не стёрто. Говоря об «эйдетической» эпохе, С.Н. Бройтман отмечает высокий уровень развития «личного самосознания», «в чем-то не уступающего нашему времени и всё-таки специфически традиционалистского. Однако личное начало реализуется здесь на иных, чем теперь, основаниях; это ещё не автономная причастность «я» Богу и миру и даже не феномен “я”, а скорее «эйдос “я”» [4, с. 124]. Глубина такого «я» «не является суверенным пространством самого индивида и... не принадлежит ему

самому» [4, с. 125]. «В своем погружении вовнутрь такое “я” скорее могло повстречать Бога, нежели свою собственную сущность» [10, с. 347]. В момент зарождения традиционализма «характер» человека понимался исключительно внешне. Понадобились века на то, чтобы эта антропологическая позиция претерпела существенные коррективы. В дальнейшем (постепенно и очень медленно) происходит интериоризация, «овнутрение» культурного и творческого мышления.

Другие важные особенности искусства традиционализма – «всезнающий» автор и «готовый» герой. Привилегированную позицию автору, согласно С. Бройтману, обеспечивают два фактора: 1) «приобщенность традиции» и 2) «отсутствие у личности... суверенной внутренней территории...» [4, с. 138–139].

Таким образом, «всезнание» автора предстает не как его личное свойство, а как сверхличное качество. Герой же является «готовым» не в том смысле, что он «предопределен личным авторским произволом, неизменен или склад из “общих мест”»; в глубинной сути своей подобная «готовность» – это «совпадение со своей ролью, которая задается Богом и судьбой и не зависит от авторского произвола» [4, с. 139]. Или, говоря словами М. Бахтина, – «не... я-для-себя, но... то, что ему дано» [3, с. 139]. Бройтман трактует традиционалистский характер не как «я-для-себя», а как «я-для-другого» [4, с. 140].

В. Тюпа в книге «Дискурсные формации» (2010) делает акцент на «нормативно-риторическом» характере рефлексивного традиционализма и в своей типологии дискурсных формаций определяет её как «дискурс власти» [11, с. 106–113], поскольку «любое высказывание... заключает в себе утверждение (или отрицание) легитимности каких-либо деяний, мыслей, переживаний», и хотя свободный выбор уже имеет место, любой акт здесь «подлежит ценностно однозначной оценке» [11, с. 107]. «Высказывание... строится как озабоченное собственной легитимностью...», и говорящий оперирует языковыми знаками как «знаками с готовым смыслом» [11, с. 109]. Такое слово «функционирует наподобие заданного термина», сопротивляясь даже синонимии (т.к. синоним уже допускает другое название известного, перекодировку), и «способно сохранять свое значение при перемещении из одного сознания в другое сознание и из одного контекста в другой» [11, с. 110–112].

Надо признать, что сегодня действительно имеются известные основания для того, чтобы связывать рефлексивный традиционализм с «нормативно-ролевым» менталитетом и «дискурсом власти» [11, с. 110–112], как это убедительно делает В.И. Тюпа. Вместе с тем нельзя не отметить, что собственно традиционализм и так называемый нормативно-ролевой менталитет совпадают лишь отчасти и субстанциально не тождественны. Перечисляемые В. Тюпой признаки и свойства последнего (авторитаризм, регламентарность и пр.) составляли не столько духовную сущность традиционализма, сколько его, так сказать, акцидентную историческую оболочку, служили определенной, исторически ограниченной «транскрипцией» данного типа миропонимания, которая, однако, многими принималась и принимается за субстанциальное ядро, что порождает стойкое представление о сущностной несовместимости традиционалистской и творчески-персоналистической аксиологии.

Между тем опыт неклассического традиционализма показывает, что в принципиальном противоречии с ценностями свободы, творческой суверенности и новейшего персонализма оказываются вовсе не сущностные устремления традиционного духа (онтологичность, солидаризм, ответственность и т.д.), а лишь его известные исторические модификации и факультативные признаки, в частности – присущий средневековью и классицизму тип дискурсивности.

Суммируя сделанные наблюдения, следует признать, что рефлексивный традиционализм, с одной стороны, вызвал к жизни вечно плодотворные принципы творчества, не связанные жестко с теми или иными дискурсивными стратегиями и открытые к обновлению и развитию, а с другой стороны – откристаллизовался в истории поэтики как специфический тип дискурсивности, имеющий свои исторические пределы, на определенном этапе служащий помехой для творчества и вызывающий к преодолению. Основываясь на проведенном анализе научной литературы, мы склоняемся к убеждению, что риторические стратегии классического традиционализма, тяготеющие к монологизму, «одноголосости», авторитарности (и т.д.), есть своего рода акцидентное (привязанное к определенному историческому периоду) обличье данного типа сознания. В разделе «Дискурс власти» [11, с. 110–112]. в книге «Дискурсные формации» В. Тюпа рассматривает в основном именно такие, акцидентные свойства традиционализма, которые, рецидивно (и в известном смысле рудиментарно) проявившись в литературе постклассической поры, породили такое историко-культурное явление как социалистический реализм советской эпохи.

Новый традиционализм, сложившийся в XX столетии, шёл по пути преодоления устаревших коммуникативных навыков, авторитаристских стереотипов минувших эпох, но параллельно с этим искал формы продуктивного освоения глубинных философско-аксиологических потенций традициональности.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. – М., 1981. – 368 с.
2. Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев и др. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – 240 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 423 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М., 2004. – Т. 2. – 512 с.
5. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – 345 с.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев. – М., 1930. – Т. 1. – 456 с.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л., 1972. – 272 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 385 с.
9. Михайлов А. В. Методы и стили литературы / А. В. Михайлов. – М., 2008. – 176 с.
10. Михайлов А. В. Поэтика барокко / А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – 75 с.
11. Тюпа В. И. Дискурсные формации / В. И. Тюпа. – М., 2010. – 320 с.

References

1. Averintsev S. S. Drevnegrecheskaya poetika i mirovaya literatura (v kn.: Poetika drevnegrecheskoi literatury. M., 1981. 368 p.
2. Averintsev S. S. et al. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh // Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. 240 p.
3. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M., 1979. 423 p.
4. Broi□tman S.N. Istoricheskaya poetika // Teoriya literatury : in 2 vol. / ed. N.D. Tamarchenko. M., 2004. Vol. 2. 512 p.
5. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh // Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. 345 p.
6. Losev A. F. Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii. T. 1. M., 1930. 456 p.
7. Lotman Yu. M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha. L., 1972 272 p.
8. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M., 1970. 385 p.
9. Mikhaiylov A. V. Metody i stili literatury. M., 2008. 176 p.
10. Mikhaiylov A. V. Poetika barokko // Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. 75 p.
11. Tyupa V. I. Diskursnyye formatsii. M., 2010. 320 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-146-150

КОНТРАСТИВЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА С. ХОЧУЕВА)

Узденова Фатима Таулановна, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Теплеева Ханнфа Мустафаевна, аспирант, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 360002, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2.

Статья посвящена одному из устойчивых параметров эстетического мышления карачаево-балкарского народа – стремлению к абсолютному статуированию описываемого в художественных текстах. На примере творчества С. Хочуева рассмотрен процесс аксиологической идентификации героев карачаево-балкарской прозы на начальном